

ственнымъ объектомъ достойнымъ вниманія ученаго, въ живомъ языкѣ, текучемъ и разнообразномъ, они видѣли лишь упадокъ и разрушеніе, и были готовы вмѣстѣ съ А. Schleicher 'омъ считать исторію врагомъ языка. — Полезно было бы нашимъ педагогамъ познакомиться съ этими страницами, какъ и со всей книгой, ибо они часто склонны пренебрегать языковой «нормой» въ дѣлѣ обученія родному языку, подъ предлогомъ свободнаго развитія индивидуальности ребенка..

Наконецъ, послѣдняя часть излагаетъ исторію письменности у различныхъ народовъ. Авторъ довольно подробно останавливается также на необходимости постепеннаго упрощенія орфографіи современныхъ языковъ.

Отмѣтимъ слѣдующій непонятный намъ пропускъ. На стр. 412, авторъ говоритъ объ исчезновеніи изъ франц. яз. формы *passé défini* (*je fis*) въ связи съ опрошеніемъ *passé indéfini* (*j'ai fait*), которое ощущается теперь, какъ простая форма. Но онъ почему-то упускаетъ отмѣтить, что нѣкоторые говоры стремятся восстановить новое сложное прошедшее время въ формѣ *j'ai en fait*. — Оставленья также безъ разсмотрѣнія такой большой фактъ, какъ сравнительно слабая диалектическая дифференціація въ великорусскомъ языкѣ.

Книга заслуживаетъ самаго большого вниманія со стороны какъ специалистовъ, такъ и широкой публики. Слѣдуетъ пожелать ей появиться и на русскомъ языкѣ.

Прив. - доцентъ **Сергій Карцевскій.**

„Мысль“. Журналъ Петербургскаго Философскаго Общества, подъ редакціей Э. Л. Радлова и Н. О. Лосского.

Послѣ значительнаго перерыва вышелъ второй номеръ этого журнала, приглашаго, быть можетъ, замѣнить московскіе «Вопросы Философій и Психологій». Съ радостью мы констатируемъ, что работа философской мысли въ Россіи продолжается и что никакія потрясенія, политическія, экономическія, моральныя не въ силахъ парализовать дѣятельность чистаго, незаинтересованнаго мышленія, стремящагося постигнуть вѣвременною значимость вещей.

Если бы не новое правоисаженіе, то, судя по первому впечатлѣнію, ничто не отличало бы послѣреволюціонную «Мысль» отъ старыхъ «Вопросовъ Философій и Психологій». Та же, какъ будто, бу-

мага почти — довольно скверная, та же и печать. Въ оглавленіи мы встрѣчаемъ знакомыя имена — А. И. Введенскій, Э. Л. Радловъ, Н. О. Лосскій, Ф. Ф. Зелинскій, Н. Н. Яковлевъ. Но помню лишь К. М. Милорадовича. Впечатлѣніе совпадающей спокойной, поразительной, несмотря на всѣ трудности, работы подтверждается и тономъ статей, тономъ выдержаннымъ, «академическимъ» вполне, и содержаніемъ ихъ, далекимъ отъ всякой злобы дня. Исключеніе представляетъ лишь статья Введенскаго, докладъ прочитанный имъ въ Петербургскомъ философскомъ обществѣ весною 1922 г. — «Судьба вѣры въ Бога въ борьбѣ съ атеизмомъ.» Речь и здѣсь корректна и спокойна, какъ и подобаетъ философскому докладу, но характеръ его опредѣленно политическій, боевой, и онъ непосредственно вводитъ насъ въ напряженную атмосферу идейной и религиозной борьбы, вызванной атеистической пропагандой, официальной и оффиціозной. Атмосфера эта намъ вполне чужда, заграничная, и необходимо сдѣлать усиліе надъ собою, чтобы понять и почувствовать тотъ пафосъ, которымъ и съ той, и съ другой стороны горятъ умы и сердца. Практическая цѣль доклада, боевой его характеръ, конечно, отразились на его содержательности. Многое здѣсь производитъ нѣсколько элементарное впечатлѣніе и авторъ значительно упростилъ проблему: онъ стоитъ на кантіанской точкѣ зрѣнія: бытіе Бога не подлежитъ доказательству, но и не можетъ быть опровергнуто наукой. Страннымъ пробѣломъ въ разсужденіяхъ автора представляется мнѣ полное умолчаніе имъ о злѣ, физическомъ и моральномъ: наличность зла являлась всегда главнымъ аргументомъ атеизма и психологически оправдывала и объясняла его.

Очеркъ Радлова о Русской философской Литературѣ XVII вѣка содержитъ интересный фактическій матеріалъ, онъ рассчитанъ по-видимому на нѣсколько номеровъ. Но характеристика умственныхъ теченій на Западѣ, которой открывается очеркъ, поражаетъ своей поверхностностью и элементарностью. Удивляешься, читая такую напр. фразу, достойную Иловайскаго: «Остается указать еще на одну черту 18-го вѣка, а именно на безразличность и гниль, царившую въ блестящемъ по внѣшности обществѣ. Нравы были до того распушены, что мы съ удивленіемъ читаемъ о явленіяхъ, которыя считались возможными, даже въ придворныхъ сферахъ и которыя теперь вызываютъ отвращеніе даже среди простолюдиновъ». Безразличность и гниль, конечно, не составляютъ специфической особенности 18-го вѣка, по сравненію хотя бы съ 20-мъ, но моральная гниль 18-го вѣка представляла нѣкоторыя особенности (сочетаніе любопытства, холодной злости и сентиментальности), которыя требовали болѣе глубокаго анализа.

О работѣ Лосского «конкретный и отвлеченный идеалъ — реализмъ» трудно судить, ибо во второмъ номерѣ дано лишь ея окончаніе; перваго же номера у меня нѣтъ подъ руками. Но явнѣе догматическій характеръ изложенія, сказывавшійся, впрочемъ, уже и въ книгѣ «Миръ какъ органическое цѣлое». Близость къ Лейбницу створится все болѣе замѣтной.

Интересна по затронутымъ проблемамъ, хотя и нѣсколько смутно написана статья Милорадовича: «Роль метафизики въ философіи». Тезисъ автора—метафизика не есть знаніе и не должна быть знаніемъ: «Намъ нужна метафизика, оставляющая волю свободной и открывающая пути общенія съ тѣмъ, что больше насъ и съ тѣми, кто нами любимъ. Но такую не можеть быть метафизика въ видѣ знанія».

Обширенъ и чрезвычайно содержателенъ библиографическій и критическій отдѣлъ, гдѣ подробно реферированы: «Мировая социальная проблема» Маслова, работы Зѣлинскаго о греческой религіи, «Очеркъ методологіи общественныхъ наукъ» Франка (представляющей собою дальнѣйшее развитіе и примѣненіе къ социальной сферѣ идей и методовъ обоснованныхъ въ его же «Предметъ Знанія»), «Коллективная рефлексология» Бехтерева (остроумная критика Радлова) и др.

Въ хроникѣ даны подробныя свѣдѣнія о готовящемся новомъ переводѣ всѣхъ сочиненій Платона, предпринимаемомъ Петербургскимъ Философскимъ Об-вомъ и издательствомъ Академіи. Изданіе расчитано на 15 томовъ, въ составъ редакціонной коллегіи входятъ представители какъ философской, такъ и филологической науки. Полнаго перевода Платона на русскій языкъ мы, какъ извѣстно, до сихъ поръ не имѣли, ибо Карповъ, приступившій въ 70-хъ годахъ къ подобному переводу, не закончилъ своего труда: имъ остались непереведенными «Законы», «Эпινόμη» и нѣкоторые мелкіе діалоги, подлинность которыхъ оспаривается. Осталась незаконченной и работа Вл. Соловьева, предпринятая имъ въ 90-хъ годахъ.

Б. Шлецеръ.

Э. Радловъ. — Очеркъ исторіи русской философіи. — Петербургъ, Книгоиздательство „Наука и Школа“, 1921 г.

Подробно и систематически развитой исторіи русской философіи у насъ до сихъ поръ еще не имѣется, хотя первый такой опытъ относится къ 1840 г. (Исторія философіи архимандрита Гавриила). Сравнительно многочисленны зато статьи, очерки и собранія матеріаловъ, касающіеся этого вопроса, вродѣ работъ Колубовскаго, Во-